

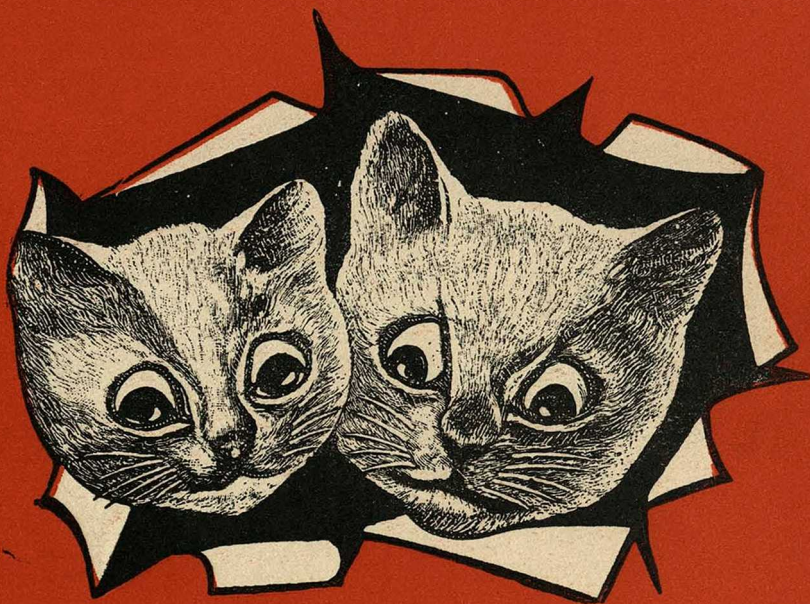
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотени городскихъ училищъ.

Годъ изданія пятый.

МАРТЪ.

№ 9.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПОДЪ ЖИВОЙ ИЗГОРОДЬЮ.
СНѢГА СОШЛИ.
МАРУСЯ ((повѣсть)).
СКОРО ВЕСНА!
ВАСЬКА И ВАСЮТКА.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Маякъ для склеиванія.
«Въ уютномъ уголкѣ» (листъ 5-й)

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

— Редакція проситъ подписчиковъ по разрочкѣ послѣшить
высылкой слѣдующаю съ нихъ взноса, чтобы не было перерыва
въ высылкѣ имъ журнала. —

ПОДЪ ЖИВОЙ ИЗГОРОДЬЮ.

Когда я былъ маленькій, то мы къ намъ въ столовую вдругъ нео-
жили круглый годъ въ усадьбѣ. жиданно вбѣжалъ дворникъ Гав-
Однажды, когда дулъ вѣтеръ и рила и сказалъ:

Ежигъ.

пожелтѣвшія листьа съ печаль-
нымъ шумомъ валились съ де-
реьевъ на землю и наступала
грустная, непривѣтливая осень,

— Баринъ! Молодые господа!
Пожалуйте сюда, что я вамъ по-
кажу!

Мы сидѣли въ столовой у стола

и слушали, что намъ читалъ папа. Конечно, мы тотчасъ же повскакивали со своихъ мѣстъ и побѣжали за Гаврилой.

Съ таинственнымъ видомъ онъ вывелъ насъ въ паркъ.

— Тссс! сказалъ онъ. — Тшшш!.. А то онъ испугается и убѣжитъ.

Папа, я и мой братъ Коля притаили дыханіе и ставши поодаль, стали смотрѣть. Скоро изъ-подъ куста жимолости вышелъ ежъ, оглядѣлся по сторонамъ, понюхалъ воздухъ своей мордочкой, похужей на рыло свиньи, подошелъ къ кучѣ сухихъ листьевъ, наметенныхъ съ утра Гаврилой, и, свернувшись шарикомъ, сталъ кататься по этимъ листьямъ. Нанизавъ на свои иглы массу листьевъ, онъ снова развернулся и, странный, некрасивый, лохматый, побрелъ въ противоположную сторону.

— Пойдемте тихонько за нимъ! сказалъ намъ папа.—Это онъ хочетъ дѣлать себѣ изъ листьевъ на зиму логовище!

Мы отправились вслѣдъ за ежикомъ. Отлично замѣчая насъ, но убѣдившись, что мы не сдѣлаемъ ему зла, ежикъ вышелъ изъ парка и направился къ тому мѣсту, гдѣ у насъ была насажена живая изгородь, отдѣлявшая дворъ отъ огорода. Онъ залѣзъ подъ ея елки, стряхнулъ тамъ съ себя сухія листья и вновь отправился за нами въ паркъ. Въ его отсутствіе я

заглянулъ подъ елки. Тамъ была собрана уже порядочная куча сухихъ листьевъ и соломы.

— Что онъ будетъ съ ними дѣлать? спросилъ я папу.

— Онъ зароется въ нихъ на зиму и будетъ спать до весны.

Затѣмъ мы возвратились въ домъ, папа сообщилъ намъ, что ежи водятся во всей Европѣ и населяютъ почти всю Азію, что въ болѣе теплыхъ странахъ они бываютъ гораздо крупнѣе, чѣмъ въ холодныхъ, и что по внѣшнему виду мордочки раздѣляются на двѣ группы: на ежей-свинокъ, у которыхъ мордочки похожи на свиное рыльце, и ежей-собачекъ, у которыхъ мордочка похожа на собачью. На этомъ дѣло и кончилось.

Прошла скучная, томительная осень, наступила затѣмъ зима, съ ея глубокимъ снѣгомъ, катаньемъ съ горъ и на конькахъ и длинными, долгими вечерами и вотъ наконецъ опять стало пригрѣвать солнышко и побѣжали ручьи. Я и братъ Коля цѣлые дни проводили на воздухѣ, раскидывали снѣгъ, пробивали канавки и, какъ намъ казалось, помогали поскорѣе наступить веснѣ. Прилетѣли затѣмъ грачи, засуматошились около скворешень скворцы и снова нашъ Гаврила вышелъ съ метлою въ паркъ и сталъ разметать на дорожкахъ прошлогодній, прѣлый листъ. Я и Коля были около него, собирали опавшія за зиму сучья

и складывали ихъ въ кучу. Какъ вдругъ, какъ разъ почти у самыхъ моихъ ногъ раздалось какое-то фырканье, похожее на чиханье. Я взглянулъся и увидѣлъ, что это былъ нашъ старый знакомый — ежъ.

— Ежикъ! Ежикъ! закричалъ я не своимъ голосомъ.—Идите сюда всѣ! Смотрите, у насъ опять появился ежъ!

Ежикъ испугался моего голоса и быстро побѣжалъ изъ парка къ тому самому мѣсту подъ живой изгородью, куда въ прошломъ году сносилъ на своихъ иглахъ сухую листву.

— Не трогай его! крикнулъ мнѣ папа, тоже замѣтившій съ балкона ежа.—Онъ проснулся послѣ зимняго сна и теперь мы будемъ его наблюдать! Если его не обижать, то онъ скоро привыкнетъ къ людямъ и будетъ близко къ себѣ подпускать!

Я постоялъ немного въ сторонѣ и дѣйствительно, скоро изъ подъ вѣтокъ живой изгороди высунулась свиная мордочка ежа и посмотрѣла на меня своими доверчивыми глазками. Я не двигался съ мѣста. Ежъ вышелъ изъ подъ изгороди весь и—о, удивленіе!— вслѣдъ за нимъ вылѣзъ и другой ежъ нѣсколько большаго роста и болѣе свѣтлой окраски. Они повертѣлись около меня, похрапѣли, почихали и вновь ушли подъ вѣтки.

Не помня себя, я бросился къ своему отцу.

— Папа, папа! закричалъ я.— У насъ ихъ не одинъ, а два!

И я рассказалъ ему, какъ было дѣло.

— Болѣе крупный ежъ и болѣе свѣтлый, сказалъ отецъ, — это самка. Во всемъ животномъ мірѣ— въ большинствѣ случаевъ самка бываетъ меньше самца; у ежей же -- наоборотъ: у нихъ самцы меньше самокъ. Но ты ихъ не обижай. Вѣроятно, они будутъ выводить у насъ дѣтей.

Съ этихъ поръ я цѣлые часы сталъ проводить около живой изгороди. Ежи заинтересовали меня, наблюденіе надъ тѣмъ, какъ они будутъ жить и что будутъ дѣлать, наполнило мнѣ жизнь. Я имъ не причинялъ никакого вреда и они скоро ко мнѣ привыкли. Нисколько не стѣсняясь меня, они оба выходили на травку изъ подъ живой изгороди и занимались ловлей насѣкомыхъ. Съ удивительной ловкостью они набрасывались на зазѣвавшагося кузнечика, хватали и съ удовольствіемъ, которое было написано на ихъ мордочкахъ, съѣдали его пополамъ. Они ловили стрекозъ, слизняковъ, маленькихъ лягушекъ. Однажды я принесъ имъ рѣзанной морковки и рассыпалъ ее около ихъ мѣстечка. Они вышли и съѣли ее съ удовольствіемъ. Въ другой разъ я видѣлъ, какъ черезъ дворъ

въ прискокку перебѣжала мышъ и направилась прямо къ живой изгороди. Въ одно мгновеніе ежикъ выскочилъ изъ своей за-сады, поймалъ ее, вызвалъ свою подругу и оба они раздѣлили ее пополамъ и съѣли. Пища ежа такимъ образомъ была самая разнообразная: онъ ѣлъ и насѣкомыхъ, и маленькихъ звѣрковъ, и овощи. Я давалъ ему печенаго хлѣба, — онъ ѣлъ и его. Я не видѣлъ, когда и гдѣ онъ пилъ, но когда я принесъ ему блюдо молока, то онъ и его подруга выскочили изъ подъ живой изгороди и выпили его съ наслажденіемъ.

— Эка невидаль! воскликнулъ Гаврила, увидѣвъ этотъ спектакль.— У насъ въ деревняхъ ежи водку пьютъ! Пьяные они очень потѣшны!

И онъ принесъ немного водки и влилъ ее въ блюдо. Ежъ и ежиха подошли къ ней, понюхали ее и выпили до дна. Повидимому, она имъ очень понравилась.

Черезъ нѣсколько времени они стали бѣгать взадъ и впередъ, толкались другъ о дружку, фыркали и чихали. Одинъ сворачивался шарикомъ, а другая его толкала носомъ и такъ они дѣлали поочереди.

— Вишь, какъ играютъ! сказалъ Гаврила.

Подъ конецъ оба они свернулись клубочками и заснули. Узнавъ объ этомъ, папа вызвалъ

Гаврилу и строго запретилъ ему спаивать въ другой разъ ежей.

Проводя цѣлые дни у живой изгороди, я скоро затѣмъ сталъ замѣчать какую-то возню. Я слышалъ, какъ летѣла въ разные стороны земля, какъ кто-то царапался въ ней и какъ изъ-подъ вѣтвей раздавались фырканы моихъ знакомцевъ. И выждавъ, когда оба они ушли куда-то далеко, я подлѣзъ подъ вѣтви живой изгороди и увидѣлъ большую нору. Въ нее вели два входа. Одинъ приходился какъ разъ противъ солнца, а другой выходилъ на сѣверъ. Дно норы было устлано мягкими листьями, сухой травой и куриными перьями.

— Значитъ, теперь они скоро будутъ выводить дѣтей, сказалъ мнѣ отецъ. — Изъ южнаго входа норки будутъ вылѣзать ихъ дѣти и грѣться на солнышкѣ, а изъ сѣвернаго — они сами. Кромѣ того, къ нимъ въ жилище не будутъ задувать восточные вѣтры, которые такъ обычны въ нашихъ краяхъ, и заливать дожди, которые всегда приходятъ у насъ съ запада. Ты видишь, какъ въ этомъ отношеніи ежи умны?

Недѣль черезъ восемь послѣ этого дня я залѣзъ однажды подъ живую изгородь и къ своей великой радости увидѣлъ тамъ въ норкѣ семерыхъ маленькихъ ежатъ. Тотчасъ-же при моемъ появленіи старый ежъ, сидѣвшій около норки,

фыркнулъ и убѣжалъ, а ежиха натопорчилась, съежилась, но тѣмъ не менѣе подпустила меня къ своимъ дѣтенышамъ. Всѣ они были бѣленькіе, вовсе безъ иголь и походили на маленькихъ поросяткоъ. Они съ аппетитомъ сосали ея молочко. Когда же я просунуль руку и хотѣлъ было погладить одного ихъ нихъ, то ежиха чихнула и больно укусила меня за палець. Я испугался и съ тѣхъ поръ уже никогда не трогалъ руками маленькихъ ежатъ. Какъ-то, помню, близко къ норкѣ подошелъ индюкъ и закричалъ свою болтовню. Ежиха выскочила изъ подъ живой изгороди, быстро укусила его за ногу и спряталась опять. Бѣдный индюкъ, прихрамывая, поспѣшилъ со своими индюшками отойти отъ изгороди подальше.

Время шло. Наступилъ августъ, поспѣли овощи и фрукты и на гумнѣ сталъ раздаваться шумъ работъ. Мои молодые ежи уже выросли, покрылись такими-же иглами, какъ и ихъ родители, и стали выходить изъ норки и подолгу не возвращались назадъ. И сама мать стала охлаждѣвать къ нимъ. Она уже не защищала ихъ какъ въ былое время, когда они сосали ея молоко, и часто даже отгоняла ихъ отъ себя. А когда на деревьяхъ стали появляться первые желтые листья и въ далекой синевѣ небесъ потянулись къ югу караваны гусей и жалобно

кричавшихъ журавлей, то разбѣжались въ разныя стороны и мои ежи. Придя однажды къ ихъ логовищу, я не увидѣлъ уже тамъ ни одного, долго поджидалъ ихъ и такъ и вернулся домой ни съ чѣмъ.

— Напрасно ты ихъ ждалъ, сказалъ мнѣ отецъ.—Всѣ взрослые ежи живутъ въ одиночку. Такъ, въ одиночку, они и зимуютъ.

Но мнѣ почему-то было жаль, что ихъ у насъ уже нѣтъ, я привыкъ къ нимъ и мнѣ было грустно, что теперь мнѣ нечего было наблюдать и некого было кормить. Впрочемъ съ старымъ моимъ пріятелемъ я встрѣтился до осени еще два раза и вотъ при какихъ обстоятельствахъ:

Однажды отецъ вышелъ на дворъ и сталъ осматривать деревянный мостикъ черезъ ручей, пробѣгавшій черезъ нашу усадьбу. Былъ жаркій августовскій день, какіе иногда бываютъ въ нашихъ мѣстахъ и въ которые по всему парку летаютъ паутинки, а небо бываетъ такъ глубоко, сине и прозрачно, что, кажется, такъ бы и летѣлъ къ высокимъ, перистымъ облакамъ. Какъ вдругъ изъ подъ мостика вылѣзла гадука, зашипѣла на отца и поползла прочь, направляясь къ живой изгороди.

— Змѣя, змѣя! закричалъ отецъ.—Сторонитесь, дѣти, а то она васъ укуситъ!

Я и братъ Коля отбѣжали въ

сторону, но въ это время изъ подъ изгороди выскочилъ мой пріятель, старый ежъ, подбѣжалъ къ гадюкѣ и загородилъ ей путь. Увидѣвъ его, она испугалась и быстро свернулась въ клубокъ. Онъ сталъ какъ разъ около нея и пристально заглянулъ ей въ глаза. Она зашипѣла и укусила его за носъ. Почувствовавъ боль, ежъ сталъ слизывать своимъ розовымъ язычкомъ показавшуюся изъ ранки кровь.

— Ну, теперь онъ умретъ! сказалъ я.—Его укусила змѣя. Помните, какъ два года тому назадъ змѣя укусила нашего кролика и онъ къ вечеру издохъ?

Но ядъ гадюки, повидимому, вовсе не дѣйствовалъ на ежа. Онъ спокойно стоялъ около змѣи, смотрѣлъ ей въ глаза и продолжалъ слизывать съ ранки кровь. Змѣя изловчилась и во второй разъ укусила его за языкъ. Онъ спряталъ свой языкъ и затѣмъ, точно обидѣвшись, быстрымъ движеніемъ бросился на нее, схватилъ ее за голову и раскусилъ ее своими крѣпкими зубами. Послѣ этого онъ тутъ-же отѣлъ половину ея туловища, а другую унесъ къ себѣ подъ изгородь.

— Bravo, ежикъ! закричали мы всѣ хоромъ.—Молодецъ!

Въ другой разъ мы слышали вечеромъ собачій лай. У насъ была собака Мильтонъ, которая лаяла такъ, что ея лай былъ похожъ

на вой. Это не нравилось нашей мамѣ и мы часто выходили ее унимать. Вышли и теперь.

Солнце уже зашло, но на западѣ виднѣлась яркая, красная полоса, предвѣщавшая на завтра вѣтеръ. Внизу, за садомъ, холодная рѣчка катила свои помутнѣвшія воды и именно тамъ, на ея берегу, раздавался вой нашего Мильтона.

— Мильтонъ! Мильтонъ! закричали мы ему и побѣжали къ рѣкѣ.

Къ своему удивленію мы увидели, что Мильтонъ катилъ передъ собою какой-то шаръ. Вся его морда была въ крови. Онъ тыкалъ въ этотъ шаръ носомъ и иглы такъ и вонзались ему въ ноздри. Это былъ нашъ старый ежъ. Докативъ его до берега, Мильтонъ спихнулъ его прямо въ воду. Бѣдный ежъ бултыхнулъ въ холодныя струи и, почувствовавъ опасность, развернулся и сталъ барахтаться всеми своими лапами въ водѣ. Коля схватилъ лежавшій на берегу колъ и сталъ подгонять имъ ежа поближе къ землѣ. Онъ вылѣзъ, отряхнулся и почти тотчасъ-же юркнулъ куда-то въ кусты. Мы взяли Мильтона за ошейникъ и вернулись съ нимъ домой.

— Хорошо еще, что это не лисица, сказалъ намъ отецъ.— Если-бы ежъ попался лисицѣ, то она точно такъ-же скатила-бы его къ водѣ и когда онъ упалъ бы въ нее, развернулся бы въ ней отъ

холода и сталь бы барахтаться, то она бросилась-бы въ воду слѣдомъ за нимъ, схватила-бы его за морду и съѣла-бы съ аппетитомъ. Остались-бы однѣ только верхняя шкурка съ иглами, да лапки.

— А куда идутъ шкурки отъ ежей? спросили мы отца.

— Никуда, отвѣтилъ онъ.— Прежде ихъ употребляли вмѣсто щетокъ, когда расчесывали для пряжи льняную кудель, а теперь бросили и это. Мясо ежей употребляли въ пищу инородцы, но, говорятъ, оно жестко и противно на вкусъ. Ежъ полезенъ не этимъ;

онъ истребляетъ массу вредныхъ личинокъ и насѣкомыхъ и этимъ приноситъ человѣку пользы больше, чѣмъ любое изъ животныхъ. Не будь его, у насъ было бы множество гадюкъ...

А затѣмъ мы поужинали и улеглись спать. Задулъ вѣтеръ, зашумѣли деревья своей пожелтѣвшей листвою, а я еще долго лежалъ и думалъ о своемъ приятелѣ—ежѣ. Гдѣ то онъ будетъ зимовать? Гдѣ-то перезимуютъ его дѣти и живы-ли они теперь?

Было холодно и наступала осень.

С. Вершининъ.

❧ СНѢГА СОШЛИ. ❧

Снѣга сошли. Одѣлись ивы,
Глядите солнышко съ небесъ
И согрѣваетъ долъ и нивы,
И дворъ, и паркъ, и темный лѣсъ.

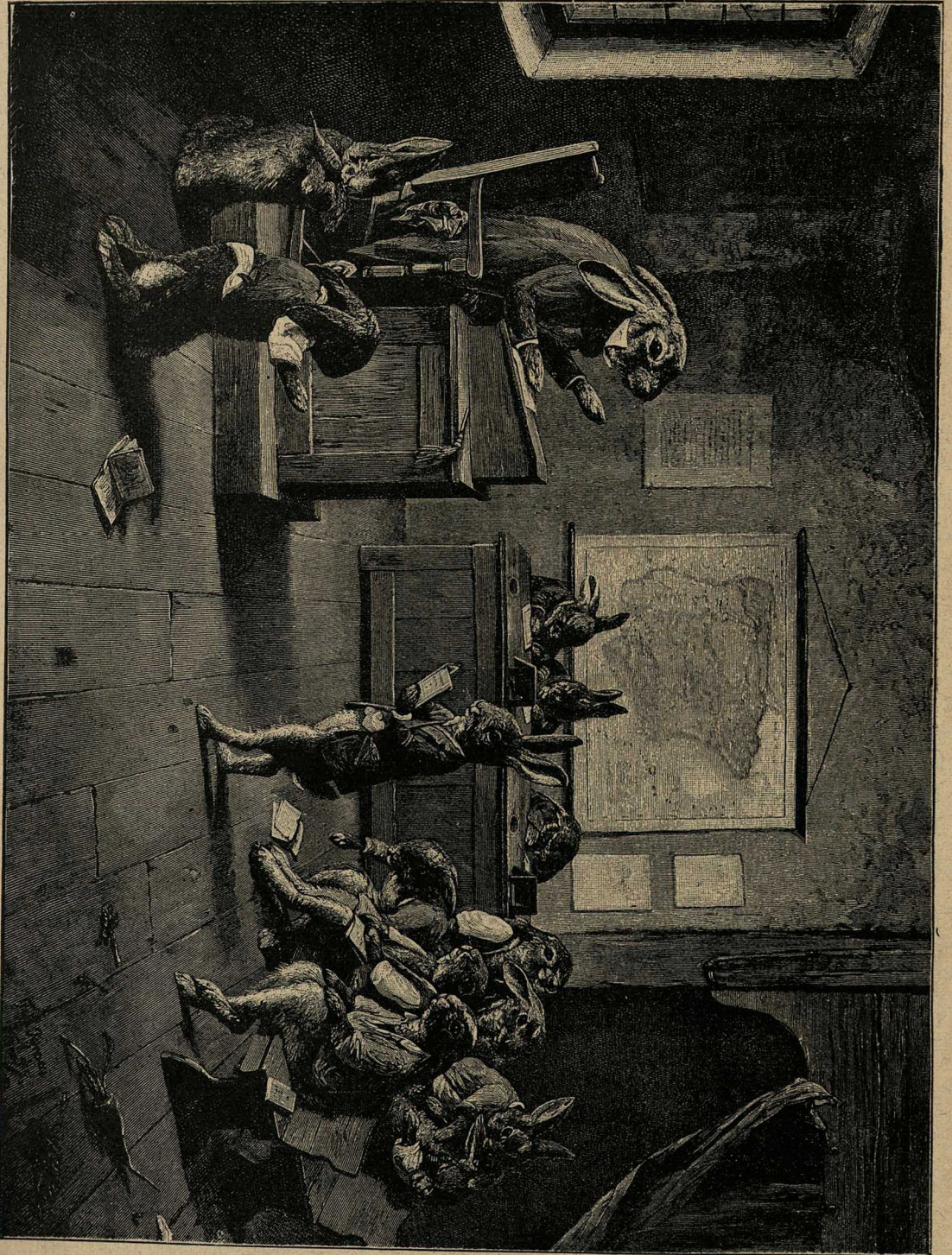
И аромать повсюду вешній
Стоитъ въ лѣсахъ и средь полей
И распѣваютъ надъ скворешней
Скворецъ съ скворчихою своею.

Все веселѣи и все чудеснѣи
Подходитъ вешняя пора
И соловей своею пѣсней
Ужъ оживляетъ вечера.

Повсюду гамъ стоитъ веселый,
Стрекозы рѣютъ надъ рѣкой
И мужичекъ на трудъ тяжелый
Ужъ въ поле выѣхалъ съ сохой.

Ирисъ.

Весна.

❧ М А Р У С Я . ❧

Повѣсть.

Баронъ и баронесса Зандерсъ были бездѣтны. Баронъ былъ инженеръ и все свое, довольно большое состояніе нажилъ своимъ собственнымъ личнымъ трудомъ. У нихъ была большая, роскошная усадьба, похожая на средневѣковъ замокъ, и, какъ говорили, водились деньги. Но безъ дѣтей, живя одиноко, они оба скучали и дѣло кончилось тѣмъ, что въ одно прекрасное утро баронъ съѣздилъ въ Москву, взявъ изъ какого-то пріюта безродную дѣвочку Марусю, привезъ ее къ женѣ и они стали воспитывать ее, какъ родную дочь. У самого Зандерса была еще жива старуха-няня Еремѣвна, которая была очень предана ему и носила его еще на рукахъ, но она была уже стара и для Маруси пришлось нанять другую няню Настасью Григорьевну, которая пріѣхала откуда-то издалека, съ дальняго юга, и была такъ добра, что заботилась о Марусѣ, какъ родная мать.

Былъ у барона еще и троюродный племянникъ, тоже Зандерсъ и тоже баронъ, но онъ былъ уже взрослый молодой человекъ. Звали его Игнатій. Это былъ одинъ изъ тѣхъ неудачниковъ, которые ничего не могутъ дѣлать, ко всѣмъ придираются, спорять, тратятъ

безъ толку деньги и не желаютъ ничѣмъ заняться. Баронъ и баронесса приняли въ немъ большое участіе, отдали его въ гимназію, не жалѣли денегъ на его воспитаніе, но все это не пошло ему въ прокъ и изъ него не вышло ничего. Двадцатилѣтнимъ юношей онъ уже сталъ вести разгульную жизнь, для него не было ничего святого и когда онъ вдругъ куда-то исчезъ, то баронъ и баронесса только легко вздохнули.

— Слава Богу! сказали они. — Быть можетъ, его исправить сама жизнь! Она научитъ его, какъ цѣнить родной уголь и домашній очагъ!..

Говорили, что онъ уѣхалъ въ Америку, но былъ ли онъ тамъ, или гдѣ-нибудь еще за границей, никому не было извѣстно. Говорили также, что онъ переписывался со старой няней барона Еремѣвной, что ей было извѣстно, гдѣ онъ находился, и она послала ему деньги, которыя скопила тяжелымъ трудомъ за всю свою жизнь, но объ этомъ знала только она одна. Часто она приходила къ барону и баронессѣ, плакала передъ ними и говорила:

— Вѣдь Игнашенька тамъ на чужой сторонѣ! Ахъ, дорогіе мои господа, кто его пожалѣетъ, кто

его приголубить тамъ одного? Вѣдь онъ тоже баронъ и тоже Зандерсъ, одной съ вами крови, хоть и дальній вамъ родственникъ! Вѣдь надо его пожалѣть! Позовите его назадъ! Пусть возвратится домой! Приласкайте его! Станетъ постарше — образумится самъ! Такъ образумится, что вы его и не узнаете! Я служу вамъ уже семьдесятъ лѣтъ, а вся изстрада-лась за него. Вѣдь кромѣ Леночки у васъ никого нѣтъ родни. Онъ вашъ единственный наслѣдникъ!

Леночка была родная племянница барона, когда-то розовенькая, свѣтло-кудрая дѣвочка, а теперь — графиня Елена Александровна Корницкая, имѣвшая уже дѣтей и жившая въ Петербургѣ. Хотя баронъ Зандерсъ не считалъ Игнатія своимъ наслѣдникомъ, потому что все свое имущество нажилъ самъ, тѣмъ не менѣе и эту свою родную племянницу графиню Корницкую онъ не видалъ съ самыхъ ея дѣтскихъ лѣтъ, не переписывался съ ней и даже плохо зналъ, гдѣ она живетъ. Онъ сокрушался объ Игнатіи, искренно желалъ ему добра, но въ то-же время и былъ въ душѣ радъ, что онъ уѣхалъ такъ далеко, что не скоро вернется назадъ.

— Богъ съ нимъ! говорилъ онъ. — Я сдѣлалъ для него все, что могъ!

И онъ всю свою жизнь посвятилъ своей воспитанницѣ — прие-

мышу Марусѣ. Онъ и его жена-баронесса полюбили ее отъ всей души, какъ родную дочь, не могли наглядѣться не нее, жили только ею одной. Часто видѣли, какъ они въ роскошномъ экипажѣ возили ее кататься вмѣстѣ съ ея няней Настасьей Григорьевной, или же сами, уже безъ няни, катали ее въ колясочкѣ по безконечнымъ аллеямъ своего парка. Они радовались и благодарили Бога, что онъ послалъ имъ это утѣшеніе, мечтали уже о томъ, какъ ихъ Маруся вырастетъ современемъ большая, какъ они выдадутъ ее замужъ и будутъ нянчить ея дѣтей, какъ вдругъ надъ домомъ барона пронеслось тяжелое несчастье: въ какія-нибудь двѣ недѣли захворала и умерла его жена. Похоронивъ ее, онъ затосковалъ, заскучалъ и уже ни на шагъ не сталъ отходить отъ колыбельки Маруси. Онъ пересталъ выѣзжать, быстро осунулся, посѣдѣлъ и цѣлые часы проводилъ молча въ обществѣ одной только няни Настасьи Григорьевны.

— Э, полно, баронъ! Успокойтесь!.. старалась она его утѣшить. — Конечно, дай Богъ царство небесное баронессѣ, но и вамъ-то не для чего такъ уми-ваться. Поберегите себя, у васъ растетъ Маруся, которой нельзя оставаться безъ васъ. Она безродная сирота.

Баронъ и самъ понималъ, что

если, чего Боже сохрани, умереть и онъ, то его Маруся будетъ брошена на произволь судьбы и это заставляло его еще больше страдать. Къ тому же его безпокоилъ и призракъ Игнатія. Что, если онъ найдется и возвратится назадъ! Вѣдь онъ отниметъ у Маруси все!

А тѣмъ не менѣе съ каждымъ днемъ его здоровье ухудшалось все болѣе и болѣе, онъ все хирѣлъ и слабѣлъ и кончилось дѣло тѣмъ, что онъ сталъ опасаться за свою жизнь. Все чаще и чаще съ нимъ стали случаться по ночамъ какіе-то тревожные припадки, онъ вскакивалъ съ постели, хватался за грудь и отъ боли въ лѣвомъ плечѣ и отъ ужаса смерти не могъ говорить. И послѣ одного изъ такихъ припадковъ онъ всталъ, долго приводилъ свои бумаги въ порядокъ, долго что-то писалъ, а потомъ, запечаталъ что-то въ конвертъ, приложивъ къ нему пять печатей—одну по срединѣ и четыре по угламъ,—онъ отперъ потайной несгораемый шкафъ въ стѣнѣ и заперъ въ него этотъ пакетъ. Положивъ затѣмъ ключъ отъ этого шкафа въ конвертикъ и сдѣлавъ на этомъ конвертикѣ какую-то надпись, онъ взялъ съ камина фарфоровые часы, отворилъ ихъ и сунулъ въ нихъ внутрь этотъ конвертикъ.

Затѣмъ онъ разбудилъ свою старуху няню Еремѣвну и призвалъ ее къ себѣ въ кабинетъ.

— Няня, обратился онъ къ ней. — Ты всегда вѣрно служила мнѣ и моей покойной женѣ. Я цѣнилъ тебя, какъ родную мать. Я помню, какъ ты ухаживала за мной, когда въ раннемъ дѣтствѣ я лишился матери. И вотъ я обращаюсь къ тебѣ съ просьбой. По всей вѣроятности, я тоже скоро умру...

— Что ты, что ты!.. испугалась Еремѣевна. — Живи на здоровье, Господь тебя благослови!

Онъ взялъ съ камина фарфоровые часы и протянулъ ихъ къ нянѣ.

— Береги эти часы, какъ зеницу ока, проговорилъ онъ. — Храни ихъ и передай ихъ моей Марусѣ, когда она вырастетъ настолько, что будетъ уже понимать. Больше же всего храни ихъ отъ Игнатія и не давай ихъ никому.

Дрожащими руками старушка няня взяла отъ него часы.

— Ты общаешься мнѣ это, няня? кротко обратился онъ къ ней.

Она заплакала, поцѣловала его въ голову и не могла говорить, но онъ понялъ, что она сдѣлаетъ именно такъ, какъ онъ ей приказалъ.

Затѣмъ она ушла. Почувствовавъ нѣкоторое успокоеніе, баронъ призвалъ къ себѣ другую няню—Настасью Григорьевну.

— Няня, обратился онъ къ ней,—вы служите у меня еще не такъ давно, но я уже узналъ васъ

и понять, какая вы хорошая женщина. Вы полюбили мою Марусю, какъ свою родную дочь, и я вполне могу ее вѣрить вамъ. Вѣроятно, я скоро умру. Я имѣю основаніе не довѣрять своему племяннику Игнатію, а съ своей племянницей графиней Корницкой я даже мало знакомъ. Вы видите — въ случаѣ, если я скоро умру, бѣдная дѣвочка должна остаться на произволъ судьбы. Можете ли вы взять ее къ себѣ, въ вашу деревню, и воспитать ее тамъ до тѣхъ поръ, пока ей не исполнится десять лѣтъ?

Настасья Григорьевна смутилась.

— Да что вы, что вы, баронъ!.. проговорила она. — Что это вы спозаранку засбирались умирать?

— Я знаю, няня, потому и говорю, продолжалъ онъ. — Отвѣчайте мнѣ опредѣленно: согласны вы будете взять мою Марусю на воспитаніе къ себѣ?

Настасья Григорьевна помялась.

— У меня своихъ пятеро внучатъ, баронъ... отвѣтила она. — Отъ бѣдности я бросила ихъ однихъ съ моей сестрой и поѣхала сюда, чтобы заработать имъ на хлѣбъ. Какъ же я могу взять къ себѣ и вашу приемную дочь? Вѣдь ее нужно воспитать не такъ, какъ своихъ!

Баронъ полѣзъ въ письменный столъ и досталъ изъ него пакетъ.

— Если такъ, сказалъ онъ, — то этому легко помочь. — Здѣсь деньги, которыхъ хватитъ и на нее, и на всю вашу семью. Отвѣчайте же мнѣ теперь: согласны вы взять къ себѣ Марусю и воспитать ее до десяти лѣтъ?

Она долго отказывалась, но онъ настоялъ на своемъ и ей пришлось подъ конецъ принять отъ него деньги и пообѣщать ему сдѣлать такъ, какъ онъ говорилъ.

— А теперь идите, няня, къ себѣ... сказалъ онъ... — Большое вамъ спасибо и да благословитъ васъ Богъ! Теперь я спокоенъ за Марусю.

А когда она ушла, то онъ прошелся нѣсколько разъ по кабинету, потеръ себѣ руки и не безъ удовольствія проговорилъ:

— Кажется, я поступилъ хорошо. Теперь мою Марусю не обереть никто!

И, прохотивъ еще долго по кабинету, онъ наконецъ присѣлъ къ письменному столу и написалъ къ своей племянницѣ графинѣ Корницкой въ Петербургъ письмо.

„Графиня, писалъ онъ ей. — По всей вѣроятности я скоро умру. Послѣ меня останется моя воспитанница Маруся, которую я люблю, какъ родную дочь. Она будетъ находиться на воспитаніи у своей няни Настасьи Григорьевны Живцовой и жить у нея, на берегу Азовскаго моря, въ деревнѣ Криничкѣ близъ Бердянска. Позволь-

те просить васъ, графиня, объ одолженіи, которому не будетъ цѣны. Когда Марусѣ исполнится десять лѣтъ, возьмите ее отъ ея няни и дайте ей образованіе, какое дали бы ей, если-бы она была Ваша родная дочь. На это я оставляю Вамъ достаточную сумму денегъ. Но если-бы Вы затруднились дать ей образованіе въ Вашей семьѣ, гдѣ, быть можетъ, она нашла бы ласку и теплый привѣтъ, то не откажите помѣстить ее въ институтъ и наблюдайте за тѣмъ, чтобы она окончила въ немъ курсъ и получила дипломъ. Простите, если я Васъ затрудняю этой просьбой, но Вы сами имѣете дѣтей и поймете, какъ тяжело разставаться съ ними и какъ приходится много думать объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ.

Баронъ Зандерсъ“.

Онъ приказалъ утромъ отнести это письмо на почту, а самъ заперся у себя въ кабинетѣ и не выходилъ изъ него уже до самой своей смерти, которая наступила черезъ одиннадцать дней послѣ описанной ночи.

Похоронивъ его, няня Настасья Григорьевна взяла съ собою Марусю и уѣхала съ нею къ себѣ далеко на Югъ и во всей усадьбѣ осталась только одна другая няня Еремѣевна, которая стала оберегать господское добро.

Вскорѣ изъ Петербурга пріѣхала графиня Корницкая со своими мужемъ и дѣтьми и, за отсут-

ствіемъ духовнаго завѣщанія, какъ законная наслѣдница, поселилась въ усадьбѣ покойнаго барона уже навсегда. Начались новые порядки, потекла новая жизнь и о бѣдномъ баронѣ и его Марусѣ скоро было забыто совсѣмъ. По крайней мѣрѣ, о Марусѣ не вспомнили до тѣхъ поръ, пока ей не исполнилось десять лѣтъ и пока не настало время выполнить волю ея покойнаго отца и позаботиться объ ея образованіи.

— Ну, а теперь помойте руки и давайте ѣсть!

Маруся сказала это такимъ веселымъ, ободряющимъ голосомъ, что всѣ пятеро дѣтишекъ тотчасъ же бросились къ морю и стали мыть въ немъ свои запачканные въ грязи и въ песокъ ручки. Вымывъ ихъ не за страхъ, а за совѣсть, они снова подбѣжали къ дѣвочкѣ лѣтъ десяти, сидѣвшей на прибрежномъ камнѣ, и окружили ее со всѣхъ сторонъ.

— Смотри, Маруся! Чисто? Чисто? заговорили они всѣ въ одинъ голосъ и стали протягивать свои руки ей почти къ самому лицу.

Глядя со стороны на эту группу дѣтей, расположившихся на морскомъ песчаномъ берегу, можно было подумать, что эта десятилѣтняя дѣвочка Маруся представляетъ собою среди нихъ королеву, — такъ она была не похожа на нихъ и такъ была изящна и прекрасна

той дѣткою красотой, которая такъ приближаетъ человѣка къ небу и такъ дѣлаетъ ребенка похожимъ на нѣжнаго, безгрѣшнаго ангела. Повидимому, дѣти очень любили и уважали ее и замѣтно было, что и она считала себя среди нихъ большою и относилась къ нимъ, какъ взрослая сестра.

Когда дѣти вымыли руки, она достала изъ-за камня корзиночку съ ѣдой и стала ихъ кормить.

— Угадайте, сказала она,— что лежитъ въ этой корзинѣ?

Они стали отгадывать и когда не угадалъ никто, то она раскрыла корзинку и въ ней оказались пирожки. Дѣти взвизгнули отъ радости, принялись ихъ ѣсть и ѣли съ такимъ увлеченіемъ, что и не замѣтили, какъ недалеко отъ нихъ показался какой-то прилично-одѣтый господинъ съ небольшимъ саквояжемъ въ рукѣ и съ фотографическимъ аппаратомъ черезъ плечо. Увидѣвъ дѣтей, онъ остановился и сдѣлалъ такое движеніе, точно заблудился и хотѣлъ спросить у нихъ дорогу, или-же точно заинтересовался красотой этой дѣтской группы, расположившейся на берегу, и захотѣлъ ее снять. Но они въ свою очередь замѣтили потомъ его, встревожились, притихли и, съ неразжеванными кусками во ртахъ, стали на него смотрѣть.

— Чужой, чужой!.. слышались среди нихъ голоса.

Маруся тоже повернула голову въ его сторону, глаза ея и незнакомца встрѣтились и онъ приподнял шляпу и сдѣлалъ ей поклонъ.

— Не скажете-ли вы мнѣ, барышня, какъ пройти въ Криничку? спросилъ онъ ее. — Цѣлый часъ уже иду и все никакъ не могу ее найти!

Криничка—это была та деревня, въ которой у своей няни Настасьи Григорьевны жила Маруся и эта ея дѣтвора.

— Въ Криничку? переспросила она и лицо ея вспыхнуло удивленіемъ.— Это отсюда недалеко.

И, обратившись къ стоявшей около нея дѣвчкѣ, она сказала:

— Катя, проводи господина до Кринички!

Та, къ которой относилось это порученіе, тотчасъ-же поднялась съ мѣста, вытерла рукавомъ губы и приготовилась идти.

— А эта дѣвочка знаетъ дорогу? спросилъ у Маруси незнакомецъ.— Я очень тороплюсь!

— Не бойтесь, успокоила его Маруся,— Криничка отсюда недалеко!

Катя прожевала, проглотила, отряхнула передникъ и подошла къ господину.

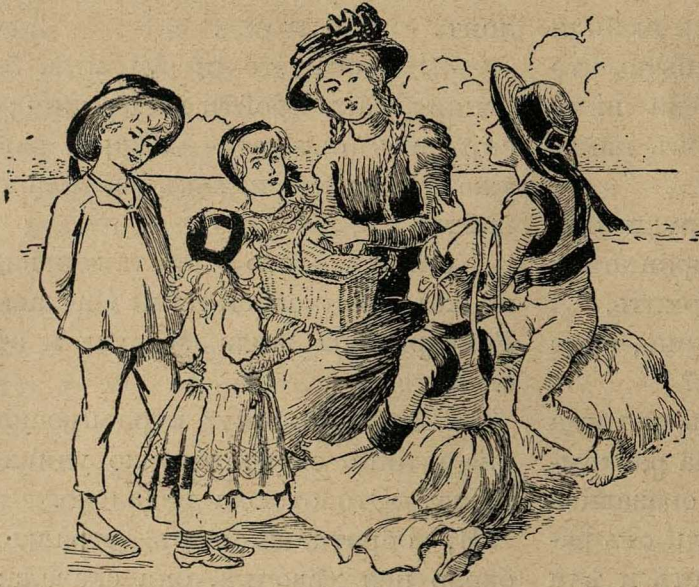
— Пойдемте! сказала она.

Но отойдя не болѣе десяти шаговъ, она обернулась и крикнула Марусѣ.

— А что, Маруся, мнѣ оста-

ваться дома или опять приходите сюда?

— Нѣтъ, отвѣтила дѣвочка, оста-

— Угадайте, что лежитъ въ этой корзинѣ?

вайся дома! Мы и сами сейчас отправимся вслѣдъ за вами домой!

При словѣ „Маруся“ незнакомецъ вздрогнулъ, обернулся и уже издалека сталъ глядѣть на дѣвочку. Но повидимому онъ былъ близорукъ или-же заходившее солнце било ему въ глаза, потому что онъ приложилъ-было руку ко лбу, но тотчасъ-же ее и принялъ.

„Какія у нея длинныя косы“... подумалъ онъ. — „Какая она милая дѣвочка!.. Неужели это она?“

И вновь снявши передъ

ней шляпу, онъ крикнулъ ей: —

„До свиданія, барышня!“ взялъ Катю за руку и сталъ взбираться

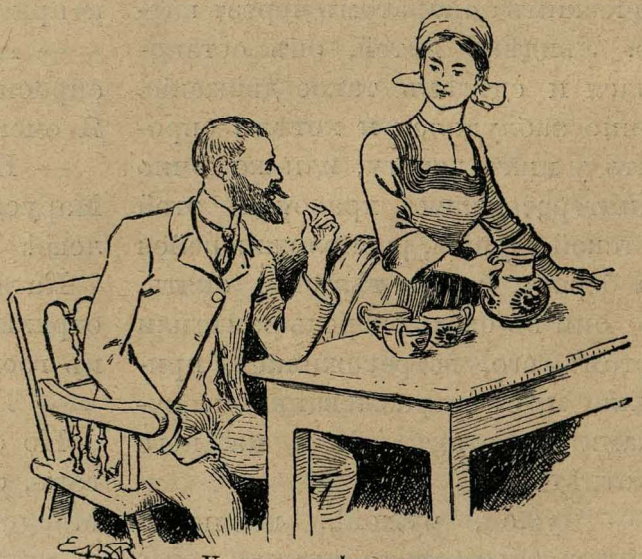
съ ней на высокій, глинистый берегъ.

— До свиданія! отвѣтила ему Маруся и снова принялась за кормленіе дѣтей.

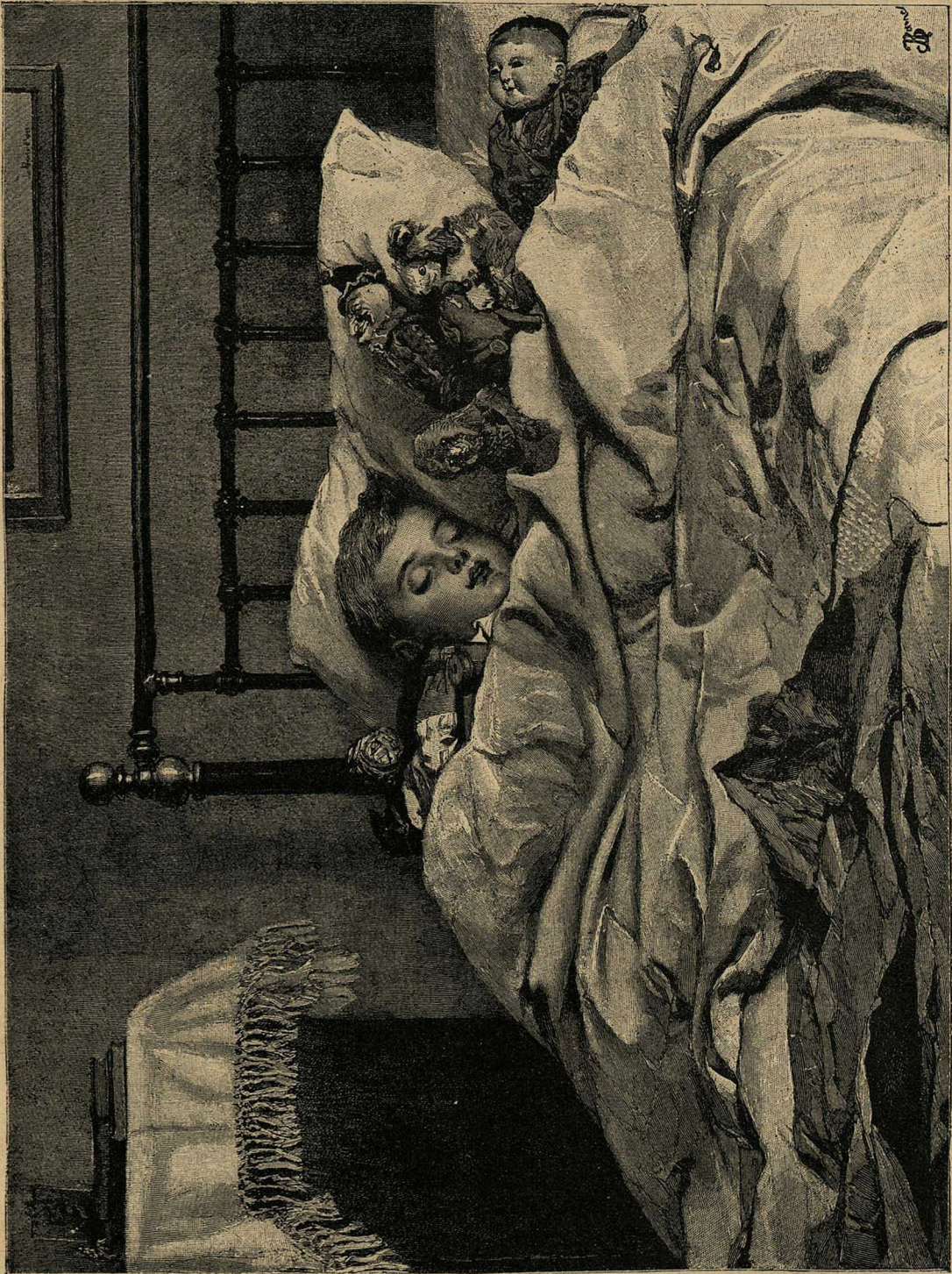
Насытивши ихъ, она поиграла съ ними еще въ нѣсколько игръ, а затѣмъ взяла ихъ за руки и, полчаса спустя, повела ихъ домой.

— Пора, пора! сказала она. — Солнце уже садится! Няня давно уже насъ заждалась!

Узкой полосой песчанаго берега она отправилась съ дѣтьми. Съ одного бока у нея плескалось зеленоватое мо-

У стола сидѣлъ господинъ.

Сладкій сонць.

ре, въ которое большимъ, краснымъ, огненнымъ шаромъ готово было опуститься солнце, а съ другого возвышались рыжія, глинистыя горы, на самомъ гребнѣ которыхъ стояли вѣтряныя мельницы и махали крыльями. На горизонтѣ виднѣлась длинная темная полоса дыма—это шелъ дальній пароходъ; двѣ-три парусныя рыбацкія лодки качались на волнахъ и летали чайки и своими ослѣпительной бѣлизны крыльями касались самой воды.

— Пора, пора! торопила дѣтей Маруся.—Мы и такъ уже заигрались у моря! Скоро сядетъ солнце и будетъ темно! Давайте запоемъ все хоромъ и пойдемъ подъ пѣніе скорѣй!

И они запѣли все разомъ и еще долго слышались ихъ звонкіе, дѣтскіе голоса.

Придя домой, дѣти удивились, заставъ у себя того самаго господина, который встрѣтился имъ часъ тому назадъ на берегу.

Спускались уже сумерки и лучи заката, проходя черезъ окошко, отражались на противоположной стѣнѣ и окрашивали всю комнату въ какой-то желтоватый, непривычный цвѣтъ. У стола сидѣлъ господинъ, теперь уже безъ шляпы и безъ пальто, и няня Настасья Григорьевна поила его чаемъ. Онъ велъ съ ней оживленный разговоръ и въ его тонѣ и манерѣ говорить чувствовался во-

спитанный, знатный господинъ. Боже мой, какимъ большимъ и важнымъ онъ показался Марусѣ въ этой низенькой, бѣдной мазанкѣ, въ которой онъ чуть не касался головой потолка!

— Здравствуй, Маруся! весело обратился онъ къ ней, какъ только она вошла съ дѣтьми въ хатку.— Какъ жаль, что я не узналъ тебя на берегу! Но какая ты большая! Вотъ не ожидалъ, что ты уже такая!

Онъ притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ. Она не ожидала отъ него этой ласки и съ любопытствомъ подняла на него глаза. Теперь онъ показался ей добрымъ и ласковымъ, его глаза все еще смѣялись и губы были сложены въ пріятную, добродушную улыбку.

— Да она у васъ совсѣмъ уже барышня! обратился онъ къ Настасѣ Григорьевнѣ.— Вотъ что значитъ жить на морскомъ берегу!

Онъ опять притянулъ ее къ себѣ и на этотъ разъ поцѣловалъ ее въ обѣ щеки и въ лобъ.

Она недоумѣвала, кто бы это могъ быть.

— Это—графъ Корницкій! объяснила ей няня.— Это родственникъ твоего покойнаго папы!

Маруся уже слышала не разъ отъ Настасьи Григорьевны, что у ея покойнаго папы были въ Петербургѣ знатные родственники,

но они всегда казались ей болѣе важными и неприступными, чѣмъ оказался теперь этотъ добродушный, веселый и простой графъ.

— Онъ пріѣхалъ за тобой! продолжала Настасья Григорьевна.

— За мной? удивилась Маруся.—Зачѣмъ?

— Твой покойный папа оставилъ графу письмо, продолжала няня,—въ которомъ приказываетъ, чтобы ты съ десяти лѣтъ стала жить у него. Тебѣ надо, дитя мое учиться...

Лицо дѣвочки омрачилось. Няня тоже глубоко вздохнула и отвернулась къ стѣнѣ, чтобы не заплакать.

— Да, я пріѣхалъ за тобой, сказалъ графъ.—Тебя уже давно ожидаютъ мои дѣти и теперь считаютъ часы, когда я тебя привезу... Хочешь ѣхать ко мнѣ?

Вмѣсто отвѣта дѣвочка заплакала и бросилась къ нянѣ на шею.

— Нянечка, милая, залепетала она.—Неужели меня отъ тебя возьмутъ?

— Что дѣлать? отвѣтила няня и глубоко вздохнула.—Такова воля твоего покойнаго отца.

И не будучи въ состояніи долѣе сдерживать себя, она залилась горячими слезами и сама, дѣтишки тоже подняли ревъ и графъ почувствовалъ себя, какъ на иголкахъ.

— Ну, успокойтесь, сказалъ онъ,—не плачьте! Все обойдется

хорошо! Не надо плакать. Мы все будемъ Марусю любить, она будетъ иногда къ вамъ пріѣзжать... Пріѣзжайте и вы все къ ней въ гости. Мы вамъ будемъ очень рады...

Наплакавшись досыта, они успокоились и теперь объ отъѣздѣ Маруси стали говорить уже, какъ о дѣлѣ неизбѣжномъ и рѣшенномъ, и только все ихъ интересовалъ вопросъ—когда это должно совершиться?

— Я просилъ бы васъ, милая няня, собрать ее сейчасъ же, сказалъ графъ,—такъ какъ уже вечеръ и я спѣшу поскорѣе къ себѣ домой...

— Такъ скоро? удивились все.

— Да, продолжалъ графъ,—поѣздъ отходить въ девять часовъ вечера, а до станціи придется ѣхать цѣлый часъ...

— Но вѣдь ей надо постирать бѣлье, починить платья и кое-что еще сшить!.. испугалась Настасья Григорьевна.—Развѣ можно ее отпускать въ томъ, въ чемъ она сейчасъ?

— Это ничего, успокоилъ ее графъ.—Все равно для нея придется все сдѣлать вновь. Не хлопчите и не безпокойтесь. Прощаюсь черезъ Харьковъ, я остановлюсь тамъ на день и все устрою самъ!

Начались слезы, объятія, поцѣлуй. Настасья Григорьевна засуетилась, стала связывать узлы,

— Няечка, милая!..

раскрыла сундукъ и по всей хаткѣ потянуло вдругъ запахомъ листового табаку и перца, положеннаго туда отъ моли. Дѣтишки вертѣлись подѣ ногами, каждому хотѣлось сдѣлать что-нибудь для Маруси, но по обыкновенію они, какъ и всѣ дѣти въ такихъ случаяхъ, только мѣшали и наступали одинъ другому на ноги.

А когда спустился вечеръ, тихій, южный, весь пропитанный степными запахами и теплотой, то къ хаткѣ Настасьи Григорьевны подѣхалъ экипажъ, въ него сѣли графъ и Маруся, и при свѣтѣ звѣздъ, высыпавшихъ бриллиантами на небѣ, поѣхали на станцію желѣзной дороги.

— Прощайте! До свиданія, слышались въ темнотѣ голоса.—Счастливаго пути!

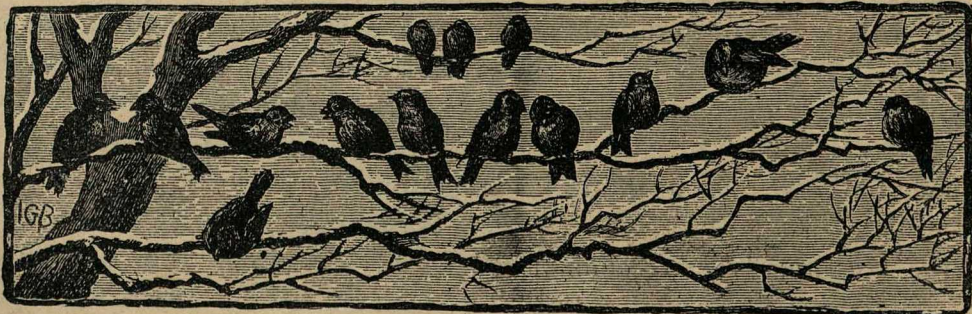
— Прощай, няечка!.. Пиши мнѣ!

— Не забывай и ты меня!.. Пиши!

Слышался стукъ колесъ экипажа, а когда онъ смолкъ, то Настасья Григорьевна еще долго стояла съ дѣтьми у порога и крестила то мѣсто, гдѣ скрылась въ темнотѣ ея ненаглядная Маруся. А затѣмъ она вернулась къ себѣ въ хатку, уложила дѣтей спать, и когда осталась одна, то положила локти на столъ и, упавши на нихъ головою, стала плакать, плакать безъ конца...

К. Тр.—

(Продолженіе слѣдуетъ).

СКОРО ВЕСНА!

Въ весеннемъ таяньѣ лѣнивомъ
Снѣгъ сходить медленно съ полей,
Но все-жъ на сердцѣ веселѣй
И отдаешься весь порывамъ:
Слѣдишь за тѣмъ, какъ по дорогѣ
Все больше, больше вязнуть ноги
И какъ у берега пруда
Уже скопляется вода.
Все ждешь, когда на смѣну шубамъ
Пошлетъ намъ солнышко лучи
И вдругъ горластые грачи
Начнутъ летать надъ старымъ
дубомъ.

Считаешь дни, когда земля,
Какъ говорятъ у насъ,—«прочах-
нетъ»,
Когда листвою вездѣ запахнетъ
И скотъ погонять на поля;
Когда заползаютъ козявки,
Пройдетъ весенняя гроза
И надъ ковромъ душистой травы
Вдругъ залетаетъ стрекоза.
Но вотъ уже летятъ къ намъ птицы,
Ужъ слышенъ ихъ веселый крикъ...
Прощайте-жъ, шапка, рукавицы,
И до зимы прощай, башлыкъ!

Кузнечикъ.

ВАСЬКА И ВАСЮТКА.

Когда у кузнеца Артѣма не стало хватать своего насущнаго хлѣба, то его жена Пелагея отправилась въ Воспитательный домъ и тамъ взяла на прокормъ подкидыша Васютку. За то, что подкидышъ жилъ у Пелагеи въ деревнѣ, а не въ городѣ въ Воспитательномъ домѣ, ей платили изъ казны по два рубля въ мѣсяцъ. На эти два рубля Артѣмъ покупалъ муку, а Пелагея пекла хлѣбъ и цѣлый мѣсяцъ семья была сыта.

Пока Васютка былъ маленькимъ, на него вовсе не обращали вниманія и часто, вмѣсто молока, давали ему только воду, да черный хлѣбъ. Когда-же онъ выросъ и

ему исполнилось восемь лѣтъ, то Артѣмъ навсегда оставилъ его въ своей семьѣ.

— Пущай остается, рѣшилъ онъ. — Я изъ него сдѣлаю кузнеца!

Но и самъ Артѣмъ и его жена не любили дѣтей и часто были несправедливы къ Васюткѣ. Артѣмъ билъ его, мало давалъ ѣсть, мальчикъ оказался слабосильнымъ и потому скоро уставалъ и часто хворалъ.

Тощенькій, блѣдный, съ большими задумчивыми глазами, онъ любилъ, когда цѣли птицы и цвѣли цвѣты, пугался грубаго голоса и покорно и молча переносилъ, когда его безпричинно били. Иногда, въ

свободныя минуты, онъ бѣгалъ за четыре версты къ барской усадьбѣ и тамъ становился у рѣшетки парка и долго простаивалъ, глядя на длинную липовую аллею, въ которой деревья сплетались вершинами такъ густо, что въ аллеѣ было темно. По цѣлымъ часамъ онъ готовъ былъ слушать соловья или сидѣть на берегу рѣки и слѣдить за движеніями рыбокъ и полетомъ радужныхъ и синихъ стрекозъ. Это былъ мальчикъ съ нѣжной, чуткой душой, мечтательный и робкій, одинокій настолько, что ему не съ кѣмъ было сказать ни одного слова.

У Артѣма была лошадь, жизнь которой сложилась такъ-же неудачно, какъ и у Васютки. Звали ее Васькой. Когда то сильная и породистая, лошадь эта была замучена непосильной работой и побоями и совершенно не походила на ту, какой была, когда ее купилъ Артѣмъ. Онъ на ней пахалъ, возилъ съ утра и до вечера на станцію дрова и камни, которые потомъ поѣзда увозили въ Москву для построекъ, и при этомъ почти совсѣмъ ее не кормилъ. Бѣдный Васька часто долженъ былъ питаться одной только соломой, такъ какъ все свое сѣно Артѣмъ продавалъ. И только лѣтомъ, и то по ночамъ, Ваську выгоняли на лугъ, но и тутъ онъ не могъ ѣсть траву отъ тяжелой боли во всемъ тѣлѣ и ногахъ и усталости.

И часто къ этому Васькѣ приходилъ въ стойло Васютка и, обнявши его за шею, говорилъ:

— Вотъ погоди, Васька, къ намъ слетитъ съ неба ангелъ и принесетъ намъ счастья. Онъ сдѣлаетъ такъ, что тебя досыта накормятъ, а меня перестанутъ бить.

Часто, когда Васюткѣ доставалось очень плохо, онъ приходилъ къ Васькѣ, прижимался щекой къ его мордѣ и глубоко вздыхалъ. Васька тоже вздыхалъ. Казалось, что оба они, и лошадь, и мальчикъ, — отлично понимали другъ друга. Между ними установилась нѣжная дружба, такая, какая бываетъ только между людьми.

И вдругъ пронесся слухъ, что въ усадьбу съ липовыми аллеями, въ которыя такъ любилъ заглядывать Васютка, возвратились изъ-за границы господа. Они не были въ ней болѣе девяти лѣтъ, тамъ жилъ во флигелѣ одинъ только управляющій съ семьей и громадный каменный домъ съ колоннами такъ и стоялъ пустой. Однажды Пелагея возвратилась съ базара и стала рассказывать, какъ мимо нея на великолѣпныхъ лошадяхъ проѣхали эти господа. Баринъ и барыня верхами, а всѣ остальные и дѣти въ экипажахъ.

— А барыня — ну, точно королева! рассказывала Пелагея. — Сидитъ на лошади, а шлейфъ такъ по землѣ и волочится! А позади ѣдутъ ея дѣтки — ну, словно ангелочки! Съ ними, должно, ихъ губернантка; все съ ними по иностранному...

Васютка слушалъ ея рассказъ и ему казалось, что онъ читалъ какую-нибудь волшебную сказку. И съ этихъ поръ каждый день онъ представлялъ себѣ барыню настоящей королевой, съ короной на головѣ, и съ длинной мантией, спускающейся у нея съ плечъ и волочащейся по землѣ. За нею всюду слѣдуетъ ея свита и дѣти, похожія на ангелочковъ, бѣгаютъ вокругъ нея и собираютъ для нея

бѣлые цвѣты. Онъ сталъ видѣть ее во снѣ. И часто, заходя послѣ хорошей потасовки въ стойло къ Васькѣ, онъ по обыкновенію обнималъ его рукой за шею, прикладывалъ свою щеку къ его мордѣ и глубоко вздыхалъ. Лошадь тоже отвѣчала ему вздохомъ.

— Знаешь, Васька? обращался къ нему Васютка. — Къ намъ пріѣхала барыня. Мы пожалуемся ей на дяденьку Артѣма и она его накажетъ. Она не позволитъ ему тебя бить, а меня, чѣмъ попадя, въ харю тыкать и за волосья драть.

При этомъ онъ воображалъ себѣ, какъ онъ побѣжитъ къ барской усадьбѣ и станетъ у забора, у того самаго мѣста, гдѣ привыкъ стоять всегда. И вдругъ она явится къ нему въ темной аллеѣ, подойдетъ къ нему, приласкаетъ его и скажетъ своимъ подчиненнымъ: — „Этотъ мальчикъ много страдаетъ. Дайте ему въ награду кусочекъ сахару!“ А онъ вспомнитъ тогда о Васькѣ и скажетъ ей: — „Барыня-королева, я страдаю не одинъ. У меня есть еще меринъ Васька, которому приходится хуже, чѣмъ мнѣ! Пожалѣй, сударыня, и его!“ Тогда она прослезится и отвѣтитъ: — „Взять ихъ обоихъ ко мнѣ въ усадьбу!“ И заживутъ они оба весело и привольно!

И чѣмъ тяжелѣе становилась его жизнь, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе стали овладѣвать его душой мечты; онъ сталъ задумываться, часто бѣгалъ къ усадьбѣ и цѣлые часы простаивалъ у рѣшетки парка въ ожиданіи появленія своей королевы. Но она не появлялась, не слетала съ небесъ и ангелъ, и онъ тоскливо шелъ назадъ, гдѣ встрѣчалъ его грубый голосъ Пелагеи:—

— Гдѣ шляется опять? Вотъ я тебя!

Онъ не отмахивался отъ нея и, привычный ко всему, молча и терпѣливо принималъ отъ нея ударъ по лицу мокрой тряпкой или подшлепникъ.

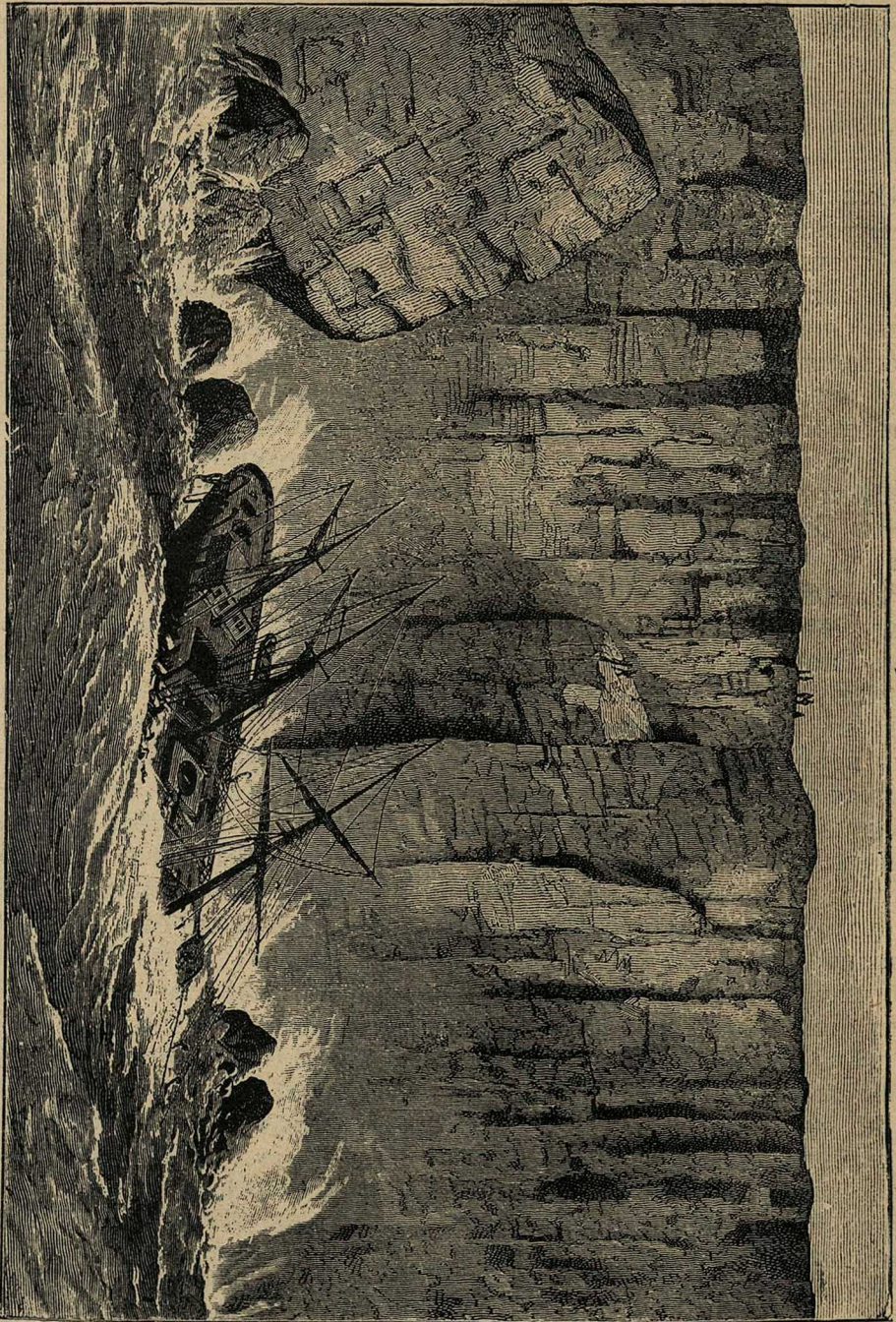
— „Господи, молился онъ. — Пошли поскорѣе твоего ангела! Нѣту больше моей возможности. Милый Боженька, пожалѣй меня!

Однажды вечеромъ Артѣмъ приказалъ Васюткѣ сѣсть на Ваську и угнать его подальше отъ деревни въ ночное туда, гдѣ еще не вся трава была сѣдена.

— Загони его куда-нибудь, сказалъ онъ,—гдѣ травы побольше.— Вишь, какъ у чалаго втянуло бока!

Васька только что вернулся съ тяжелой работы и еле двигалъ ноги отъ усталости. Мальчикъ взялъ въ руку поводъ и повелъ коня въ лѣсъ, гдѣ не такъ давно видѣлъ хорошую траву. Онъ и самъ еле волочилъ ноги. Вчера его промочило до костей дождемъ и прохватило вѣтромъ, онъ прозябъ, а сегодня съ утра во всемъ тѣлѣ у него стояла ломота и онъ слышалъ, какъ дыханіе обжигало ему верхнюю губу. Ему ничего не хотѣлось ѣсть, онъ только пилъ и каждую минуту прикладывался то къ подушкѣ, то къ травѣ, и точно во снѣ помогалъ Артему въ кузницѣ и получалъ отъ него цинки. Подъ вечеръ онъ слегъ. У него шумѣло въ ушахъ, болѣла голова и все тѣло горѣло и во рту было сухо. Какіе-то смутные образы носились у него передъ закрытыми глазами, не то страшные, не то забавные, и онъ то пугался ихъ, а то желалъ, чтобы они явились къ нему опять. И теперь, когда Артѣмъ

Полбишее судно у береговъ Шотландіи.

поднял его съ постели и послалъ его отвести коня пастись подальше отъ деревни, онъ чувствовалъ, что ему такъ далеко не дойти.

— Да ты сядь на коня и поѣзжай! крикнулъ ему Артемь.

Васютка хотѣлъ было вскочить на Ваську, но не смогъ.

Была уже ночь, когда онъ всз-

сосалъ паукъ. Васютка лежалъ, горѣлъ, какъ въ огнѣ, и, какъ казалось ему, не спалъ. И вдругъ до него донеслось изъ стойла радостное ржанье Васьки.

„Что бы это значило?“ подумалъ онъ. — „Вѣдь я самъ отвелъ его далеко въ лѣсъ и оставилъ тамъ одно!“

— Не отдамъ!

вратился къ себѣ домой, и такъ и повалился опять на постель. Въ избѣ всѣ уже спали. Храпѣлъ Артемь, Пелагея что-то бормотала во снѣ и на чердакѣ возились и шумѣли крысы. Слышно было, какъ въ углу и около печки копошились тараканы и какъ жалобно жужжала муха, которую

Онъ приподнялся на локтѣ и сталъ глядѣть въ окно, находившееся какъ разъ у его постели. И вдругъ видитъ онъ, что въ стойлѣ у Васьки засіялъ какой-то ласковый, голубоватый свѣтъ. Онъ вышелъ тихонько на дворъ и, полный удивленія и безпокойства, заглянулъ въ стойло. Тамъ онъ

увидѣлъ своего друга—Ваську и около него прекраснаго ангела, который, погладивъ лошадь по шеѣ и залѣчивъ ему на тѣлѣ рубцы и раны, сложилъ крылышки и сѣлъ къ нему на спину. А затѣмъ сама собою отворилась дверь, около которой стоялъ Васютка, и ангелъ тихонько выѣхалъ на Васькѣ изъ конюшни и отправился на немъ со двора прямо въ поле.

Васька тихо заплакалъ оттого, что больше уже никогда не увидитъ своего друга. И ему такъ вдругъ стало тоскливо безъ Васьки, что онъ вышелъ за ворота и побѣжалъ за нимъ вслѣдъ.

— Ангелъ Божій! крикнулъ онъ.—Возьми съ собою и меня!

Ангелъ поманилъ ему рукой и онъ догналъ Ваську, взявъ его за гриву и пошелъ рядомъ съ нимъ.

— Куда прикажешь, сказалъ онъ,—туда мы и пойдёмъ!

Ангелъ ничего не отвѣтилъ ему на это, но скоро свернулъ въ сторону и послѣ довольно долгаго пути выѣхалъ на какой-то прекрасный лугъ, со множествомъ цвѣтовъ, котораго Васютка не видалъ еще никогда. На немъ росла какая-то особенная, великолѣпная трава и каждый цвѣтокъ, качаясь отъ набѣгавшаго вѣтерка, звонилъ, какъ серебрянный колокольчикъ.

На этомъ мѣстѣ ангелъ слѣзъ съ коня и сказалъ:

— Пасись на здоровье, Васька!

Съ этими словами ангелъ взмахнулъ крыльями и исчезъ, какъ исчезаетъ вдругъ катящаяся по небу звѣзда.

Васька принялся за ѣду и сталъ вдругъ полнѣть и хорошѣть.

— Какимъ я сталъ, однако же,

красивымъ конемъ! обратился онъ къ Васюткѣ.—Круглымъ, выхоленнымъ, съ блестящей шерстью!

И дѣйствительно, его шерсть такъ и блестяла теперь при свѣтѣ луны.

И вдругъ невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ пасся Васька, послышались чьи-то голоса.

Васютка обернулся и увидаль какихъ-то незнакомыхъ людей.

— Поглядите, поглядите! сказалъ старшій изъ нихъ.—Какая прелестная лошадь! Возьмемъ ее и отведемъ къ нашей барынѣ въ усадьбу! Она будетъ довольна!

Васютка хотѣлъ было имъ возражать, но они не обратили на него вниманія, взяли Ваську за уздечку и умчались съ нимъ въ усадьбу.

„Ну, что-жъ, подумалъ Васютка.—Было бы хорошо хоть Васькѣ, а я ужъ обойдусь и такъ!“

И онъ печально побрелъ домой. Возвратясь къ себѣ, онъ снова легъ въ постель и снова его охватила жаръ, отъ котораго у него стучало въ вискахъ и сохло въ горлѣ и во рту. Ему хотѣлось пить, но не было силъ подняться, чтобы зачерпнуть себѣ воды, и его стали пугать такіе пустяки, какъ храпъ Артема и сонная болтовня Пелагеи. Теперь ужъ онъ былъ совершенно одинъ: у него былъ единственный другъ -- его Васька и ангелъ вывелъ его изъ стойла, а какіе-то незнакомые люди угнали его къ барынѣ-королевѣ въ усадьбу. Теперь, когда его, Васютку, обидятъ Артемъ или Пелагея, то ему не съ кѣмъ будетъ подѣлиться своимъ горемъ и некому будетъ пожаловаться на свою судьбу. И онъ метался изъ сто-

роны въ сторону, плакалъ во снѣ, звалъ къ себѣ обратно Ваську, но его не слышалъ никто и только крысы попрежнему возились на чердакѣ, да шуршали у печки тараканы и все еще, такъ долго, стонала муха въ лапахъ у паука.

Стало свѣтать. Блѣдная, какъ тяжело больная, лѣтняя ночь стала уходить все дальше и дальше, заплѣли въ разныхъ концахъ пѣтухи, залетали ласточки и на востокѣ вспыхнула красная заря. Откуда-то потянуло запахомъ горѣлой соломы, замычалъ скотъ и на деревнѣ стали раздаваться голоса.

— Васютка! Васютка, вставай! вдругъ услышалъ Васютка голосъ Артема. — Уже заря! Пора вставать!

И кто-то грубо потрясъ его за плечо.

Васютка поднялъ тяжелую голову, тупо поглядѣлъ на Артема и снова повалился на подушки.

— Да вставай же, лѣнивонецъ! закричалъ на него Артемъ. — Встань и бѣги скорѣе за конемъ! Гдѣ ты его оставилъ на ночь? Пора пахать!

Васютка хотѣлъ было ему сказать, что Ваську сегодня ночью увелъ ангелъ и что онъ теперь сталъ такимъ сытымъ и красивымъ конемъ, что на немъ едва-ли можно пахать, но у него по прежнему звенѣло въ ухахъ, болѣла голова и такъ было сухо во рту, что не двигался языкъ.

Разслабленный, весь въ жару, еле переступая ногами, но боясь ослушаться Артема, онъ вышелъ изъ избы и направился къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ вчера вечеромъ на ночь коня. Дойдя до него, онъ оглядѣлся по сторонамъ, при-

слушался, не услышитъ ли бубенчика, привѣшеннаго Васькѣ къ шеѣ, но скоро убѣдился, что лошади не было нигдѣ.

— Васька, Васька! закричалъ онъ ей и самъ испугался своего голоса.

Обыкновенно Васька всегда откликался на его зовъ веселымъ ржаньемъ, но на этотъ разъ не откликнулся никто.

Васютка опустилсѣ на пенекъ и задумался. Если онъ вернется теперь домой безъ коня, то его будутъ бить и, конечно, не повѣрятъ ему, что Ваську вывелъ изъ стойла ангелъ и взяли съ собой люди барыни-королевы въ усадьбу. А если даже и повѣрятъ, то все равно пошлютъ его за лошадью къ барынѣ. Такъ не лучше ли идти къ усадьбѣ сейчасъ?

И онъ поднялся съ пенька и медленно пошелъ въ усадьбу.

Всходило солнце и вся трава была сѣрая отъ сѣвшей на нее росы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ шель Васютка, оставалась на ней ярко-зеленая дорожка отъ его шаговъ. Висѣла роса и на вѣткахъ кустарниковъ и ея капли блистали на солнцѣ, какъ брилліанты. Высоко плѣли уже жаворонки и черезъ все небо, изъ края въ край, пролетѣли какія-то двѣ птицы, похожія на воронъ. Повсюду пробуждалась жизнь, но Васютка ея не замѣчалъ и не интересовался ею. У него болѣло все тѣло, былъ жаръ и его занимала только одна мысль—это поскорѣе увидѣть своего Ваську, пожаловаться ему на свою болѣзнь, послать его поскорѣе домой, а самому лечь на что ни попало, на землю, на камень или на траву, но только лечь, и

вытянуться во всю свою длину, такъ, чтобы захрустѣли всѣ члены и чтобы по всему тѣлу разлился холодокъ.

Но вотъ уже и лѣсъ. За этимъ лѣсомъ сейчасъ будетъ видна усадьба. Васютка проходитъ черезъ него и черезъ громадный лугъ видитъ знакомый паркъ. Сейчасъ онъ подойдетъ къ рѣшеткѣ парка и будетъ оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ кого-нибудь изъ служителей и не попросить ихъ возвратить ему коня.

Усталый, разстроенный, онъ подходитъ наконецъ къ рѣшеткѣ и вдругъ слышитъ около нея чье-то радостное ржанье. Онъ поднимаетъ голову и видитъ передъ собою Ваську. Предоставленный на всю ночь самому себѣ, онъ забрелъ такъ далеко одинъ и вотъ стоитъ теперь въ господской травѣ, доходящей ему до колѣнъ, и самодовольно ее ѣстъ.

— Васька! кричитъ ему Васютка и чувствуетъ, какъ слезы радости подступаютъ ему къ горлу.— Васька! Какъ ты сюда попалъ?

Васька продолжаетъ ему радостно ржать, подбѣгаетъ къ нему и, не переставая жевать, кладетъ ему голову на плечо. Васютка по обыкновенію прижимается щекой къ его мордѣ и слышитъ, какъ у коня на зубахъ хруститъ при жеваніи сочная чужая трава.

— Васька, что ты надѣлалъ? говоритъ онъ ему.— Зачѣмъ ты ушелъ такъ далеко? Теперь тебя поймаютъ здѣсь на чужой травѣ, заберутъ и запрутъ!

Но, вспомнивъ про ангела и про егерей, онъ осматриваетъ Ваську со всѣхъ сторонъ и онъ

уже не кажется ему ни полнымъ, ни красивымъ, какимъ казался ему ночью, когда ангель выѣхалъ на немъ на лужокъ.

И будучи уже не въ состояніи держаться на ногахъ, онъ посмотрѣлъ на Ваську печальными глазами и поцѣловалъ его между ноздрей.

— Иди домой, сказалъ онъ.— Тамъ ждутъ тебя мамка—Целагея и Артемъ! А я... я посижу здѣсь и отдохну.

Онъ отошелъ къ сторонкѣ и, выбравъ мѣстечко около самой рѣшетки парка, легъ прямо на траву. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ онъ вытянетъ сейчасъ ноги, закроетъ глаза и будетъ спать, спать хотя-бы цѣлый день или даже цѣлый годъ!

И онъ закрылъ глаза и отъ удовольствія потянулся. Вокругъ него пахло цвѣтами, летали бабочки и пчелы и по столбикамъ ползали красненькія козявки. Къ нему подошелъ конь Васька, долго смотрѣлъ на него и нѣсколько разъ радостно заржалъ.

— Ну, что-же ты? обратился къ нему Васютка.— Иди домой! Тамъ тебя ждутъ!

Вмѣсто отвѣта Васька тутъ-же опустился около него на землю, легъ на брюхо и, точно собака, приложилъ къ его пылавшей щекѣ свою морду. Васютка обнялъ его за шею и такъ они и остались оба вмѣстѣ лежать.

И вдругъ въ паркѣ, въ той самой аллеѣ, около которой лежали Васютка и его конь, раздались чьи-то нѣжные голоса, показавшіеся мальчику сладкой, звенящей музыкой, тонкой струйкой вливавшейся ему прямо въ сердце. Онъ

открылъ глаза и увидалъ около себя барыню. Она была прекрасна, какъ солнце, на головѣ у нея свѣтилась корона и позади нея волочился длинный шлейфъ. Около нея были дѣти, нѣжныя и красивыя, какъ ангелы, и какая-то дама, должно быть та, которую Пелагея называла „губернанткой“. Подойдя къ рѣшеткѣ, барыня заинтересовалась чѣмъ-то темнѣвшимъ по ту сторону ея на лугу, перевѣсилась черезъ нее и весело воскликнула:—

— Дѣти! Эльза Густавовна! Посмотрите, какая трогательная сцена! Около нашего забора спятъ мальчикъ и лошадь, нѣжно обнявшись! Какъ это красиво!

Услышавъ ея голосъ, Васютка вскочилъ, всталъ на колѣни и, сложивъ руки ладонями вмѣстѣ, такъ, какъ нарисовано въ церкви на иконѣ какого-то святого, которая особенно ему нравилась, онъ сказалъ:—

— Барыня! Ваше сіятельство! Всемиловѣйшая королева! Не гоните отсюда насъ! Пожалѣйте насъ сиротъ горемычныхъ! Намъ обоимъ нечего кушать и всѣ насъ только бьютъ!

Она улыбнулась и, отворивъ калитку, вышла къ Васюткѣ. Дѣти и Эльза Густавовна повисли на заборѣ и стали съ него глядѣть.

— Матушка—королева! Ваше сіятельство! продолжалъ Васютка.— Сжался ты надъ нами! Пожалѣй ты насъ!

Она нагнулась надъ нимъ и поглядѣла ему въ глаза. Въ нихъ было что-то нехорошее, больное. Она приложила ему руку ко лбу и покачала головой.

— Онъ, должно быть, болѣнъ, обратилась она къ гувернанткѣ.—

Онъ бредитъ и у него большой жаръ. Пойдите, голубушка, поскорѣ въ домъ и позовите сюда Луку!

Она сказала что-то ей и по французски относительно дѣтей и пока Васютка стоялъ передъ своей королевой на колѣняхъ и умолялъ ее сжалиться надъ нимъ и надъ Васькой, гувернантка съ дѣтьми уже ушла и вмѣсто нея явился лакей Лука, который взялъ мальчика на руки и по роскошной аллеѣ понесъ его къ дому.

— Сюда, сюда! говорила ему барыня.— Отнесите его пока во флигель! Уложите его на кровать и раздѣньте. Я сейчасъ приду къ нему сама!

— А куда прикажете дѣть его коня? спросилъ ее Лука.

Сзади всѣхъ съ дѣловитымъ видомъ, прямо по аллеѣ, шествовалъ и Васька.

— Это такъ трогательно! отвѣтила ему барыня.— Дружба между животными и дѣтьми стала теперь такъ рѣдка! Прикажете поставить эту лошадь въ конюшню и дать ей овса!

А затѣмъ Васютка слышалъ, какъ его раздѣвала какая-то женщина, какъ сняла съ него всѣ его лохмотья, надѣла на него чистое бѣлье и уложила его на мягкую, свѣженькую кровать.

— Спи, мой болѣзненный, сказала она.— Спи, батюшка! Худой-то, худой-то какой! Одна кожа да кости! Чистый шкилетъ!

Пришла потомъ барыня, дала Васюткѣ чего-то выпить, растерла его уксусомъ и водкой и онъ крѣпко заснулъ.

А когда онъ проснулся, то было свѣтло и весело такъ, какъ никогда еще не было въ жизни. Онъ потя-

нулся, сбросилъ съ себя одѣяло и весело засмѣялся. Около него сидѣла старушка и вязала чулокъ.

— Очнулся, мой батюшка? обратилась она къ нему. — Ну, вотъ и хорошо! Теперь ты, значитъ, будешь здоровъ! Цѣлыя двѣ недѣли пролежалъ безъ памяти и все бредилъ про ангела да про какую-то королеву.

Вошла затѣмъ барыня, но на ней не было теперь ни короны ни длиннаго шлейфа. Она подошла къ нему, потрепала его по щекѣ и тоже улыбнулась.

— Ну, вотъ и отлично! сказала она. — Выздоровливай скорѣй и будешь играть съ моими дѣтьми.

Онъ вспоминалъ о своей прежней жизни и вдругъ лицо его омрачилось.

— А какъ-же дяденька Артемъ и мамка Пелагея? спросилъ онъ.

— Они приходили сюда, когда узнали, что ты у меня, отвѣтила она ему, — но я сговорила съ ними и они оставили тебя у меня со всѣмъ. Ты будешь жить у меня.

— Въ этомъ домѣ въ этомъ саду?

— Да, въ этомъ домѣ и въ этомъ саду.

Онъ едва вѣрилъ себѣ.

— А какъ-же мой Васька? спросилъ онъ, но ему стало неловко и онъ покраснѣлъ.

Барыня отдернула занавѣску отъ окна и распахнула его.

— А вотъ посмотри! сказала она.

Онъ приподнялся и посмотрѣлъ въ окно. Тотчасъ-же съ надворья въ комнату просунулась лошадиная голова и радостно заржала.

— Васька! взвизгнулъ Васютка. — Ты здѣсь? Да какъ-же ты поправился и растолстѣлъ!

Но ему недали излить свою радость передъ конемъ и снова захлопнули окно.

— Подожди, подожди... сказала ему барыня. — Сперва надо поправиться совсѣмъ, а потомъ уже вскакивать и кричать!

И онъ снова улетя въ постель.

Свѣтило солнце, щебетали птицы, изъ парка доносились дѣтскіе голоса и откуда-то сбоку тянуло нѣжнымъ ароматомъ цвѣтовъ. Это на столикѣ стоялъ букетъ. Васютка сталъ вдыхать въ себя этотъ аромат и скоро заснулъ, но это былъ уже здоровый, укрѣпляющій сонъ.

Теперь его ожидала впереди счастливая жизнь и все прошедшее казалось далекимъ, хотя и тяжелымъ сномъ.

М. Б.—скій.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Вышелъ мужикъ въ часъ съ четвертью, а пришелъ въ два часа безъ четверти. Что случилось съ нимъ въ дорогѣ, что онъ опоздалъ?

II.

Если къ тому, что вбиваютъ въ землю, прибавить то, что мы выбрасываемъ собакѣ, то получится несприятность, которую мы иногда говоримъ другъ другу. Что это?

III.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) Часть экипажа.
- 2) То, безъ чего нельзя научиться писать.
- 3) Друга человѣка.

Отъ каждаго изъ этихъ словъ взять по послѣднему слогу и составить изъ нихъ названіе хищной птицы.

Какія слова задуманы и какая это птица?

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 7, помѣщенныхъ въ № 7 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки. I. Сова, Мартышка, Роза = Самара. II., По именамъ. III., Гумно, Лыко, Вода = Голова. IV., Лимонъ, Бананъ, Ваниль = Либава. V., ...мали + на (малина), клубни + ка (клубника), ...слива, ...ды + ня (дыня) ...ка + штаны (каштаны), ...пасти + ла (пастила), ряби + на (рябина), ...ябло + ко (яблоко), ...ли + мон.. (лимонъ), земля + ника (земляника).

VI Шуточные вопросы: 1., За спиной, 2., За веревку.

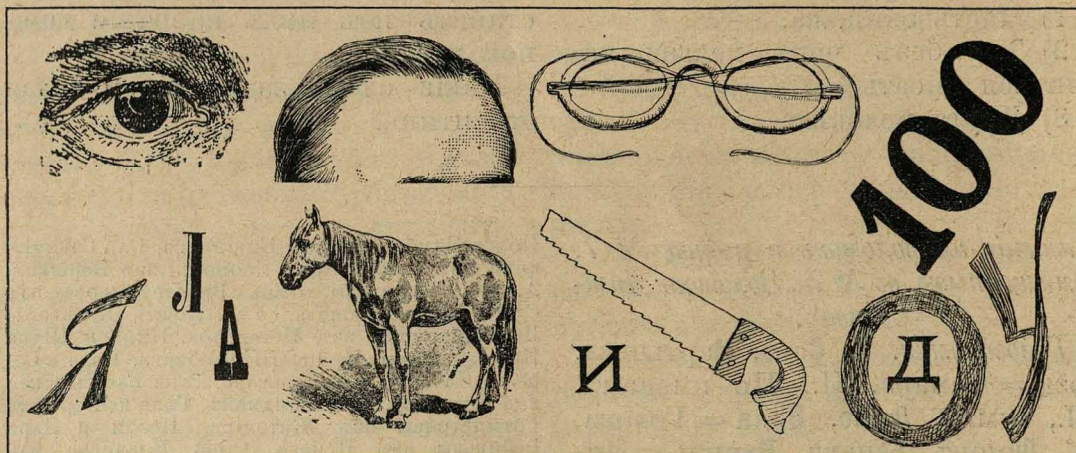
Загадка: письменный столъ.

Ребус № 7. Дѣ + в + очки с + ели + око + ло + к + уста + си + ре + ни + и + г + ромъ + коза + п + ели = Дѣвочки съели около куста сирени и громко заплѣли.

Вѣрные рѣшенія прислали: Шурикъ Остенъ изъ Поневѣжа, Свѣтя Болдыревъ изъ Щучина, Женя Радинъ въ СПб., Викторъ Вальдеферъ изъ Касимова, Мушка Ляшевская изъ Таганрога, Симочка, Эльзочка и Шуручка изъ Новочеркасска, Галя Базилевичъ изъ Харькова, Боря Ляхницкій изъ Керчи, Валя Духина со ст. Джанкой, Маруся С. въ СПб., Шура Усиневичъ изъ Бендеръ, Боря Мариновъ со ст. Чадырь-Лупга, Таля Истомина изъ Тирасполя, Коля Виноградовъ изъ Москвы, Аня Антушева Павликъ и Нюша Крипицыны изъ Орлова, Тамара и Костя Шидловскіе изъ Харькова, Кто безъ подписи, еще кто-то безъ подписи на бумагѣ съ ласточкой, Маня, Лида, Люся и Коля Могильные и Уа Шець, Борисъ Розенбергъ, Павликъ и Наташа Миллеръ изъ Тулы, Маркель Гурвичъ изъ Лодзи, Ксенія Соболева изъ Николаева, Лиля Плевако, Ваня Листратовъ изъ Бронницъ, Сонечка Грекова, Катя Терпигорова со ст. Протопопово, Музя Смирнова изъ Калуги, Петя Ляхницкій, Катя Венгерова, Никофъ и

Покся Здубиковы изъ Кишинева, Оля Слѣпушкина изъ Кіева, Коля Леоновъ изъ Варшавы, А. и Г. Куколевы, Сима Веретенникова изъ Сумъ, Женя Дронова со ст. Новый-Петергофъ, Витя Дроновъ изъ Петергофа, Нина и Шура Проскуряковы, Ирина Штейнбергъ, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Таля Василевская изъ Летичева, Федя Ландманъ, Галя и Жоржикъ Ротмистровы изъ Житомира, Нелли и Ларя Бибиковы изъ Пскова, Соня Кравцова изъ Омска, Андрей Озерецковскій, Евгенія Масловская, Оля Слѣпушкина изъ Кіева, Шура и Маня Тропскія изъ Рыбинска, Люба Цвѣчинская, Тамара и Геля Коровкины изъ Кириллова, Сережа и Шурикъ Фохты изъ Гродны, Вѣра Шилова изъ Хабаровска, Катя Ситникова, Иза Ступпикеръ изъ Лодзи, Володя Бакутисъ, Гуляницкій изъ Острога, Константинъ Гусевъ изъ Могилева, Витя Михельсонъ изъ Тифлиса, Сима и Маня Воскресенскія изъ Бѣлева, Гарди Витте изъ Ростова-на-Дону, Зина и Леша Христорожественскіе, Ната Рослякова, Соня Фришъ, Станиславъ Квинто изъ Джульфы, Софія Мееровичъ въ СПб., В. Румшевичъ, Катя Иванова изъ Холма, Кока Головановъ изъ Драбова, Шура Кисловскій, Наташа Сивевичъ изъ Заброва, Сережа Ситниковъ, Горенька Хрупкій изъ Новогрудка, Коля, Елена и Валя Смолявицкіе изъ Барановичъ, Иванъ Гольдштейнъ изъ Кѣлецъ, Катя, Рая и Вѣра Чулковы изъ Полоцка, Ксеничка Цетреусъ изъ Вильны, Ника Рошфоръ, Леша Пылаевъ изъ Митавы, Нина Терлецкая, Коля Павловъ, Леля Эпштейнъ изъ Боромли, Коля Нарцевъ, Вавочка Тригорова, Петръ Ковалевскій въ СПб., Татьяна Доброворская изъ Красноярска, Шурикъ Лѣсковъ съ Фурштадтской Лидочка Лѣскова, Вѣра Дукельская, Юля Герке изъ Кренгольма, Дончикъ Суперъ, Надя Лапина, Оля Буковецкая изъ Риги, Шурикъ Путитовскій—будущій пианистъ, Подсѣжничикъ и Фіалка изъ Ташкента, Муся и Володя Визи въ СПб., Коля Михайловъ въ СПб., Шура Стефановичъ, Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Лидія и Володя Радзивановичъ изъ Озерковъ, Оля Суровцова, Нина Александровская въ СПб., Леша Колесниковъ, Наденька Функельштейнъ въ СПб., Костя Черневскій изъ Озерковъ, Лоц Лоц Епанчинъ въ СПб., Н. Мышенковъ изъ Захарьевки, Миша Боярскій въ СПб., Оля Губина изъ Луганска, Давидъ Варшавскій, Олечка, Зина и Валя Кушнаревы, «Золотая Дѣтка», Шуручка Ефимова и Никифоровъ изъ Москвы, Женя Стрекоза, Руфа Смолина изъ Челябинска, Стася, Леля, Жоржикъ и Женя Валлехъ, Ника Андриановъ, Соня Вершинская, Алексѣй Дымовъ, Боря Афанасьевъ

Ребусъ № 8.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Неточка Иванова, Сережа Тушкаччикъ; Нита, Клара и Карлуша Шмидтъ, Надюша Залѣсова, Оля Петрова, Вася Игнатьевъ, Нина и Лора Лохвицкія, Слава Василенко изъ Харькова, Коля Петровъ изъ Саратова, Гарди Витте изъ Ро-

стова на Дону, Шура Николаевская, Галя Набокова изъ Самары, Галочка Цвѣтаева, Митя, Володя Варли, Андруша Михайловъ, Нина Тифлова изъ Балашова, Костя, Душа, Шура, Ваня Сторчевые изъ Кущевки Куб. обл.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшей годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 копѣекъ за экземпляръ). **Высылается наложеннымъ платежомъ.**

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ «ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО».

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.
Телефонъ 587—29.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
- 12** ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

Телефонъ 587-29.

3 р. 80 к

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Книга съ раскрашенными картинками
„СЪДАЯ СТАРИНА“.

(Легенды о быломъ).¹

Соч. А. Гербертсонъ.

Рисунки Елены Страттонъ.

Цѣна 60 коп. съ пересылкой

Высылается по первому требованію
изъ редакціи „Золотое Дѣтство“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.